

МИФ ОБ ОРФЕЕ В ЦВЕТАЕВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЭТА

Вячеслав ДОЛГОВ, доктор, лектор,
Бельцкий государственный университет им. Алеку Руссо
veaceslav.dolgov@usarb.md

Rezumat: Acest articol prezintă rezultatele unei analize a unui număr de poezii de M. I. Tsvetaeva, în care imaginea eroului mitului grecesc antic Orfeu joacă fie un rol de formare a intrigii, fie este menționată pentru a confirma anumite idei. Rezultatele obținute în timpul analizei fac posibilă clarificarea unui număr de caracteristici importante ale imaginii poetului, așa cum îl percepe M. I. Tsvetaeva.

Cuvinte-cheie: mit, Orfeu, poet, motiv, idee, Tsvetaeva.

Abstract: This article presents the results of an analysis of a number of poems by M. I. Tsvetaeva, in which the image of the hero of the ancient Greek myth Orpheus plays either a plot-forming role or is mentioned to confirm certain ideas. The results obtained during the analysis make it possible to clarify a number of important characteristics of the image of the poet, as M. I. Tsvetaeva imagines him.

Keywords: myth, Orpheus, poet, motive, idea, Tsvetaeva.

Древнегреческий миф об Орфее и Эвридике, давно и прочно вошедший в историю искусства, привлекает широкими смысловыми возможностями. Наиболее продуктивными с точки зрения творческого восприятия оказались те части мифа, в которых герой представлен в трех ипостасях: Орфей-певец, Орфей-возлюбленный, Орфей растерзанный.

Орфей-певец – олицетворение силы искусства, способного заставить повиноваться не только деревья и скалы, но даже зачаровать перевозчика в царстве мертвых Харона и самого Аида с супругой. Орфей-возлюбленный спустился в царство мертвых и убедил позволить ему вывести на белый свет тень любимой Эвридики, умершей от укуса змеи. Если бы задуманное Орфеем осуществилось, эта часть мифа воспринималась бы гимном величайшей и всесильной любви, преодолевающей все, отвергающей смерть. Однако герой нарушил запрет: на последних подступах к свету он обернулся, чтобы удостовериться, что возлюбленная следует за ним, и потерял ее – теперь уже навсегда. Повторная утрата Эвридики усложнила образ трагической виной.

Несмотря на утрату возлюбленной, герой хранит ей верность, и сюжет об Орфее растерзанном повествует о цене, которую ему пришлось за это заплатить: разъяренные вакханки (менады) набросились на «ненавистника женщин», забросали его камнями и тирсами, разорвали его тело. *«Голову Орфея и его кифару бросили вакханки в быстрые воды реки Гебра. И, о, чудо! струны кифары, уносимой волнами реки, тихо звучат, словно сетуют на гибель певца, а им отвечает печально берег»* [1, 212], – поясняет Н. А. Кун «Волны отнесли голову и кифару героя к берегам острова Лесбос, где, по словам Н. А. Куна, «с тех пор звучат звуки дивных песен...» [1, 212].

Сюжетообразующую функцию миф играет, по нашим наблюдениям, всего в трех произведениях М. И. Цветаевой. Так, например, в стихотворении «Эвридика Орфею» дана трактовка мифа о попытке героя вывести возлюбленную. В цветаевской интерпретации главную роль играет Эвридика: выполнявшая второстепенную функцию в

мифе, вся роль которой сводилась к пассивному следованию за Орфеем, здесь представлена сильной личностью с волей и собственным взглядом на происходящее. По мнению героини, Орфею не следовало спускаться в Аид: пребывание живого Орфея в пространстве мертвых расценивается как недопустимое нарушение законов бытия («превышение полномочий»): *«Ибо в призрачном доме // Сем – призрак ты, суций, а явь – // Я, мертвая... Что же скажу тебе, кроме: // – «Ты это забудь и оставь!»⁴⁷*

По мнению героини, «с бессмертья змеиным укусом кончается женская страсть», ее – бестелесную – не воскресить, и единственное, в чем она действительно нуждается, – это «бессмертья» покой. Хорошо известная древней Элладе идея вечного круговорота смерти и возрождения теряет свою актуальность. Следует подчеркнуть, что Эвридика выступает резонером, ее оценка происходящего обусловлена авторской позицией. И здесь следует упомянуть следующий фрагмент письма М. И. Цветаевой Б. Пастернаку: *«Оборот Орфея – дело рук Эвридики. <...> Оборот Орфея – либо слепость ее любви, невладение ею (скорей! скорей!) <...> либо приказ обернуться – и потерять. Все, что в ней еще любило – последняя память, тень тела, какой-то мысок сердца, еще не тронутый ядом бессмертья, <...> все, что еще отзывалось в ней на ее женское имя, – шло за ним, она не могла не идти, хотя может быть уже не хотела идти»* [2, 254]. Исходя из вышеизложенного вполне закономерно оказывается вывод-итог стихотворения:

«Не надо Орфею сходить к Эвридике // И братьям тревожить сестер».

В двух других произведениях реализован образ Орфея растерзанного. В стихотворении «Как сонный, как пьяный...» имя героя не упоминается, однако детали, вводимые риторическими вопросами, указывают на Орфея: *«Не ты ли // Ее шелестящей хламиды // Не вынес – // Обратным ущельем Аида? // Не эта ль, // Серебряным звонком полна, // Вдоль сонного Гебра // Плыла голова?»*

В стихотворении «Так плыли: голова и лира...» ключевые образы заявлены в первой строке. Они оказываются неразрывно связанными – перетеканием мотивов «кровь» и «серебро»: *«Крово-серебряный, серебро- // Кровавый след двойной лия».*

Примечательно, что голова плывет чуть поодаль от лиры, которая будто знает верное направление и место, где они обретут последнее пристанище: *«Ход замедлялся головы. // Но лира уверяла: мимо!»*

Главная идея произведения, на наш взгляд, заключается в том, что истинный талант невозможно уничтожить, он обязательно будет иметь продолжение. И риторические вопросы финала стихотворения утверждают мифологическую трактовку, объясняющую причины расцвета классической греческой лирики на острове Лесбос:

«Где осиянные останки? // Волна соленая – ответ! // Простоволосой лесбиянки // Быть может вытянула сеть?»

По нашим наблюдениям, М. И. Цветаеву больше привлекал образ Орфея-певца, нередко в варианте совмещения с образом Орфея растерзанного. Поэтому тема творчества и мотив смерти нередко оказываются неразрывно связанными. Анализ данных произведений, полагаем, позволит, кроме всего прочего, уточнить цветаевскую концепцию поэта, истинным воплощением которого и выступал Орфей. Здесь следует упомянуть фрагмент письма М. И. Цветаевой М. – Р. Рильке: *«Для того и становишься поэтом (если им вообще можно стать, если им не являешься отродясь!), чтобы не*

⁴⁷ Здесь и далее произведения цитируются по изданию «Цветаева М. И. Собрание сочинений в 7-ми томах. Том 2. М., Эллис Лак, 1994».

быть французом, русским и т. д., чтобы быть – всем. <...> Орфей взрывает национальность или настолько широко раздвигает ее пределы, что все (и бывшие, и сущие) заключаются в нее».

Также отметим, что в анализируемых произведениях образ Орфея с деталями мифологических сюжетов, связанных с ним, включаются в общий контекст лирического повествования для утверждения определенных идей или актуализации состояний и умонастроений лирического героя. Выявим на основе данного материала наиболее существенные характеристики в цветаевской интерпретации поэта.

Стихотворение «Глыбами – лбу...» разворачивается в форме диалога. Беседа двух собеседников (или с самим собой?) дает возможность не только вскрыть противоречия между должным и сущим, но и полнее представить внутреннее состояние поэта, находящегося в ситуации творческого кризиса. «Петь не могу!» повторяется дважды, в начале и в конце. Невозможность «петь» (читай – творить) представлена как физическое состояние, маркированное градацией от глагола «петь» до глагола «хрипеть», а также метафорами: звук из груди – «молоко», глотки «скошенный луг» и др.

Ключ к пониманию идейно-тематического своеобразия произведения представлен в финальных строках: «Распотрошен – // Пел же – Орфей!» // «Так и в гробу?» // – «И под доской». // «Петь не могу!» // – «Это воспой!»

Первая ключевая идея связана с темой: невозможность петь и ее причины – те важные темы, которые могут быть творчески реализованы. Отсыл к образу убитого Орфея позволяет выразить две другие важные идеи: во-первых, даже смерть не отменяет творчество, во-вторых, творчество требует стойкости и предполагает преодоление казальное-бы невозможного.

Антитеза «петь не могущих» и трагического певца лежит и в основе стихотворения «Есть счастливы и счастливицы». Настоящий талант или поэтический дар реализованы здесь метафорой «голос». Для подтверждения могущества настоящего искусства автор обращается к образу Орфея-возлюбленного, чтобы заявить, что только его голоса было бы достаточно, чтобы вывести Эвридику к свету жизни даже против ее воли: «Свой, только голос послал во тьму, // Сам у порога лишним // Встав, – Эвридика бы по нему // Как по канату вышла...»

По мнению М. И. Цветаевой, настоящий поэт изначально – трагическая личность, потому что за могущество таланта расплачивается, лишаясь абсолютно всего: «Ибо раз голос тебе, поэт, // Дан, остальное – взято».

Идея жертвы повторяется и в ряде других стихотворений, например, «По набережным, где седые деревья...» («Так – небескорыстною // Жертвою миру: // Офелия – листья, // Орфей – свою лиру...»), «Двух станов не боец, а – если гость случайный» («Ты царь: живи один...»).

В стихотворении «Двух станов не боец, а – если гость случайный» трагедия основана на антитезе «поэт // толпа» и иллюстрируется эпизодом убийства Орфея. Центральным образом – голова – постоянно дублируется: то человек, то часть тела. Мучения непонятого и непринятого поэта объясняются рядом предъявляемых к нему требований:

*<...>Была мне голова дана – по ней стучали
В два молота: одних – корысть и прочих – злость <...>
<...>Вы с этой головы – что требовали? – Блуда! <...>
<...> Вы с этой головы – что требовали? – Ряда. <...>
<...>Вы требовали: нас – люби! тех – ненавидь! <...>*

Главная идея стихотворения заключена, на наш взгляд, в строфе, где и возникает аллюзия на убийство Орфея: «Бывают времена, когда голов – не надо. // Но слово

низводить до свеклы кормовой – // Честнее с головой Орфеевой – менады! // Иродиада с Иоанна головой!»

Такая подача дает возможность для целого ряда трактовок: во-первых, поэт стоит на своем до смерти, во-вторых, возможно обесценивание его таланта после смерти, но и это не может его останавливать быть верным себе и своему дару, потому что ждать помощи и поддержки неоткуда, главное, что поможет выстоять – дух: *«Двух станом не боец: судья – истец – заложник – // Двух – противубоец! Дух – противубоец»*.

Преступление толпы в том, что она способна «слово» (выделено курсивом М. И. Цветаевой) низвести до «свеклы кормовой»: духовное обрушить в сферу материального, высокое заменить низким, истину – ложью. Но это возможно лишь после смерти поэта (которого Цветаева ставит в один ряд с Орфеем и библейским Иоанном Крестителем), что указывает на его особую роль и миссию в обществе.

Обобщим характеристики поэта, выявленные в ходе анализа произведений, включивших элементы орфического мифа. Тема творчества и мотив смерти в цветаевской интерпретации неразрывно связаны. Поэт – певец, обладающий необычайной властью, но при этом не принятый и не понятый обществом. Данный ему дар требует жертв: поэт обречен на одиночество и будет лишен всего, чем обладает каждый обычный человек. Поэт призван все лишения и преодолевать невозможное. Он выполняет особую роль в обществе, а его талант не может уничтожить даже смерть.

Библиография:

1. Кун Н. А. Мифы и легенды Древней Греции. М. Просвещение, 1975.
2. Цветаева М. И. Собрание сочинений в 7-ми томах. Том 2. М., Эллис Лак, 1994.
3. Цветаева М. И. Собрание сочинений в 7-ми т. Том 6. М., Эллис Лак, 1995.